

ОЛЕСЯ ЯНГОЛ

ЗАРАЗА ТАКАЯ

РАССКАЗ

Петухи поют. Навозом пахнет. Бревенчатые стены сарая, прогретые за день солнцем, засыревшие за ночь, дышат едва уловимой плесенью. Куры черкают по утопанной тропке, тёплые со сна. Из кухонной пристройки для живности раздаётся блаженное “хрю”. За буйством и кучерявостью сада поле уклоном идёт к реке. Вдалеке слышится “му-у-у”. Рыжую дед уже отвёл пасть. Он кашляет хрипло и густо. Гнутая папироска в пальцах. Тяжеловат немного, но крепок ещё. Идёт во двор, кашлем сам с собой разговаривает. Кашель у него говорливый, но всё по делу. “Хркхы-кхы-хрм”. Сейчас это означает: “Поправлю-ка забор у вишни. Совсем покосился”.

Из летней кухни шкворчание. Бабка яишню жарит.

— Дед, ты бы майку сменил. Уж неделю таскаешь.

— Хркх-гм-гм.

Что означает: “Дотаскаю уж до вечера. Видишь, работы сколько”.

Алёнка просыпается в половине девятого. Сама ещё одеться не умеет. В трусиках, маечке, как есть, бежит через двор, к бабушке на кухню. Молча распахивает дверь и стоит на пороге: я пришла, я проснулась.

— Проснулся, бобочек мой!

Бабушка начинает суетиться. Огонь пригасила, Аленку на руки взяла.

— Идем-ка, глазки умоем, платице наденем.

ЯНГОЛ Олеся Владимировна родилась в Туле в 1973 году. Окончила художественную школу им. В. Д. Поленова. Как свободный художник работает в жанре станковой живописи, а также книжным оформителем. Публиковалась в журналах “Приокские зори”, “Дальний Восток”, “Бийский вестник”, “Волга XXI век”, “Север” и многих других. Член редколлегии тульского журнала “Приокские зори”. С 2012 года пишет в соавторстве с писателем Виталием Ковалёвым. Живёт в латвийской Юрмале.

Целует Алёнку в заспанные глазки. Алёнка щурится, сонно ещё улыбается, трёт кулачком глазки, доверчиво обняв бабушку за шею. У колодца свежо, даже прохладно. Это потому, что тут вода живёт, — Аленка уже знает, дед рассказывал.

На край колодца прыгает маленький рыже-белый котёнок. Алёнка тянет ручки к нему.

— Погоди, погоди, дай-ка умою. — Бабушка крепко держит Алёнку, плескает горстью ей в личико.

Алёнка отпугивается, пытается увернуться.

— Ну, ну. Вот, чистенькая, свеженькая теперь. Где там колготочки наши?

Бабушка несёт Алёнку в дом. Стеклянная веранда вся солнцем пронизана. Много интересных вещей на веранде. Алёнка ещё не всё исследовала. Вон за голубой шторкой дедова кровать. Иногда он тут после обеда храпит. Когда дед храпит, Алёнка его боится и на веранду не ходит. А сейчас деда нету.

Давно Алёнка на шкафу верёвку заметила. Надо сначала табуретку на кровать поставить, забраться и со шкафа верёвку палкой смахнуть. Палка короткая, до верёвки не дотянуться. Алёнка пошатнулась на стуле, но удержалась, слезла на кровать, на пол спрыгнула. В коморе палка была большая, вспоминает она. Но в комору страшно одной идти. Там дверь огромная, тяжёлая, и темно и пахнет. А верёвка призывно свисает с верхотуры, и достать непременно нужно.

— Где там бобочек мой? Иди-ка завтрикать! — зовёт бабушка.

Алёнка смотрит на верёвку: “Ничего, я до тебя доберусь!” — обещает она и бежит во двор.

Дед за столом уже ложкой гремит, хрымкает.

— Хрым-кх-хрым. Ну, зёлик-козёлик, пожрёмси?

— Что ты слова-то такие ребёнку говоришь!

— А что ж тут такого? Слово-то, оно что? Главное, как произнести.

— Философ прямо.

— Эх, бабка... Хрым-кррр. На-ка, зёлик, моей ложкой кушай. Моя из алюминию. Лёгенькая. А эти, мельхиор чистый. В руке не удержишь.

Дед ложку свою облизывает, Алёнке протягивает. Алёнка на него смотрит насупившись. Молчит.

— Удумал чего! Помой сначала, — говорит бабка.

— А что жа мыть-то, авось не чужие.

Алёнка позавтракала. К кроликам сбегала. Они прямо за летней кухней, у кукурузы. Клеток много. Одна на другой. Алёнке нравится дверцы раскрывать, протягивать руку и кролика гладить. Кролик сначала глазами пугается, а потом не пугается. Задними лапками переберёт и смотрит на Алёнку: “Выпусти меня на травку!” Больших кролей Алёнка ещё не поднимет. Тяжёлые. А деток смело вытаскивает за уши и на травку пускает. Пусть гуляют. А бабушка уже из кухни бежит.

— Ой, убегут, Алёнка!

Бабушка кроликов собирает и обратно в клетки.

Алёнка про верёвку вспомнила. На веранду поспешила. А верёвки-то нету! “Кхр-хм!” — раздаётся из мастерской. Понятно, дед взял! Бежит в мастерскую. Дед уже верёвку накручивает. Схватила Алёнка за конец и тянет упрямо, и на деда не мигая глядит исподлюбья — моя! “Ить! Чего? Зачем тебе?”

Дед не отпускает, Алёнка не отпускает. Упрямо тянут каждый в свою сторону.

— Ить, зараза такая глазастая! Бабк, ты смотри какая упёртая!

Дед строит злые глаза. Когда он так делает, Алёнка разревётся может. Боится. Страшно. А дед знает это, вот и пользуется, пока бабка не видит. У Алёнки вся упёртость пропала, зрачки увлажнились. Если дед сейчас ещё и кхрымкнет, она враз убежит. А верёвка нужна. Собрала Алёнка всю смелость, деду с силой на большой палец ноги как наступит.

— Зараза такая! — кричит дед.

— Да что опять?! — Бабка с полотенцем из кухни выбегает. Дед, согнувшись, за палец держится:

— Молоток уронил.

Алёнка из-за дерева глядит на деда с бабкой. Верёвка у неё в руках. С порожек слышится: “Мяу!” Ага! Что, если рыжего верёвкой обвязать и в колодец спустить, как оттуда будет “мяу” слышно? Алёнка направляется к порожкам. Рыжий поиграть рад. Бежит за верёвкой, что тянет Алёнка по земле. У колодца он смекнул неладное. Присел и, как только Алёнкина рука коснулась его рыжей спинки, сиганул в кусты.

Алёнка подтащила к колодцу детский стульчик. Но и со стульчика, чтобы в колодец заглянуть, подтянуться надо. В колодце вода тёмная, гулкая. Если громко шепнуть, шёпот ещё долго слышно будет. Но только он страшный становится. Алёнка делает: “У-у-гу!” — и, соскочив со стульчика, бежит во двор, на солнышко, подальше от прохладной и таинственной тени.

К вечеру, после обеденного сна дед обычно гитару берёт. У старой груши за столом струны перебирает. Бабка иной раз просит спеть что-то из любимого. Дед откашляется, дым от сигаретки втянет, глаза в дыму прищурит и поёт. Иногда Алёнке нравится послушать, а иногда убегает на задки к кукурузе и сбивает початки, потому что у деда “дурацкая песня”.

Дед поёт-поёт и закашляется: “Хррр-кхрым-хра-хра!”

— Ох, бросал бы курить, старый барабан!

Бабка из дому пшикалку приносит. Дед пшикнет в рот, посопит ещё чуток и затихает. Смеётся:

— Последнюю радость бросать? Не дождёсси!

А у Алёнки уже план есть. Вечером, как дед уснёт, проберётся к нему на веранду — если, конечно, он храпеть не будет — и утащит сигареты. На заднем дворе на кучу распотрошит.

— Зараза такая! Всю пачку распотрошила! Бабк! Что ты с нею будешь делать! — раздаётся поутру.

— Докуришься, докуришься! Дохтур уже вона, ругается.

— Кхрррыым! Хрк-хрк!

Бывают дни тихие, спокойные. Тепло, жары нет. И небо в прозрачной серой дымке. И дождик время от времени сонный. И Алёнка, словно погода, тихая. В глазах тень лесная прячется. Бродит по двору. То курам посылет, то кролей навестит. А бывает, к деду потянет в мастерскую. В мастерской всё интересно. И запах Алёнке нравится, и стол длинный, усыпанный инструментом всяким, стружками. На стенах полки с жестянками. А в жестянках шурупчики, гайки. Дед иногда снимет с полки, даст перебрать.

— Вона, смотри. Эти вот с полукруглой головкой. Ты их в коробочку ссылай. А вот эти, с потайной, в баночку.

Алёнка перебирает. Старается. Потом пальчики железом пахнут и серой пылью присыпаны. Для Алёнки шурупы, как человечки, потому что дед сказал, что у них головки.

А ещё любит Алёнка смотреть, как дед из дерева режет. У Алёнки ладошка маленькая — прохладная и тёплая одновременно. Лежит доверчиво на дедовом колене. Стружки из-под резца завиваются, как локоны у куклы. Алёнка заворожённо смотрит на вырезанные фрукты, овощи. Яблоки пузатые, груши длинные и кривые. А ещё тыква есть. Тыкву бабушка уже раскрасила. А дед потом лаком покрыл. Она уже давно на полке в комнате стоит и блестит, когда солнце выглядывает.

— Ну, зэлик-козэлик, скучаешь? Кхрым-кх-кх.

У Алёнки взгляд неподвижен. Ждёт, когда из дедовых рук выйдет новая груша. Ей сейчас нескучно. Она сейчас вся в волшебстве дедовом. Спокойно сегодня. Слышно, как капли дождя плёпаются в бочку с водой.

Вечерами в дождливые дни можно и дома побыть. Игрушек здесь нет. Алёнка свои из города не взяла. Но тут всякого интересного полно. Дедовы деревянные фрукты-овощи, а у бабушки в серванте за стеклом много всякого блестит. Тоже можно достать — только не расколи, пальчики порежешь. Алёнка осторожно вытаскивает фарфоровые фигурки. Вот Емеля со щучкой в руке. А ещё тёгенька в полосатой красно-чёрной юбке. Она шатается из

стороны в сторону, как колокольчик. А на самом верху серванта — большая фигурка красавицы Алёнушки. Сидит, пригорюнившись, склонившись над озером, и за братиком своим горюет. Это бабушка рассказывала. Алёнушку брать нельзя — высоко.

В избе пол кривой. Дерево когда-то на крышу повалило, пол и повело. Чтобы телевизор включить, в гору идти надо. Бабка вздыхает.

— Ничего, бабка, зато физкультура.

— Мне физкультуры за день хватает. А тут и вечером ещё на гору лезть.

— А чего ты его выключаешь-то! Он же ж современней. Вон у всех соседей включён в розетку, только пульт нажать.

— Да что мне соседи! Вещь-то не новее. Сохранней, когда выключено. И железке отдых нужен.

— Не новее... Ну, бегай, бегай в горочку. Говорю ж — физкультурка. Хрым-кх-кх-хр.

Дед бывает смешной. И в такие минуты Алёнка даже не боится, когда он хрымкает. Но чаще всего Алёнке хочется что-нибудь устроить эдакое. И не потому, что она деда не любит. Да она и сама объяснить не может... хочется, и всё.

— Бабк, что она у нас всё молчит-то? Уж пятый год пошёл.

— Заговорит, когда надо. Да и сейчас, если нужно, всё скажет. А ты-то, сам рассказывал, в детстве до пяти лет немтырём бегал.

— Ну, я-то... Чего мы, голопузья немытая. С нами и поговорить некому было. Мамка с папкой в поле. А тут тебе и телевизор, и я вон под боком кхекаю. Сказку на ночь скажу. А всё молчит... Себе на уме, зараза такая.

— Вот что ты её так прозвал-то!

— Дык я ж любя зёлика моего, козёлика.

— Это я знаю да Алёнка. А соседи что могут подумать?

— Ить соседи твои! Бабки языкатые.

— Вот любишь ты всем прозвища-то давать, дурень старьёй.

— Хркхе, кхе,кхе... Бабк, где там моя пшикалка-то?

— Ой, щас, щас, дед. На трюме лежит.

Всё чаще деду пшикалка нужна.

Алёнка глаза напрягает, и сама вся напрягается от какой-то неясной мысли. Дед страшный, только когда кхекает или храпит. А так с ним интересно. Она больше за ним бегаёт, чем за бабушкой.

Днём, после сна одеялко откинула, испарина на лобике волосы кучеряшками скрутила. За окном листья сирени с солнечными лучами перемигиваются. Даже в глазах рябит.

Алёнка слышит голос бабушки. Не такой. Так бабушка никогда ещё не говорила. Чуть выше живота сжалось что-то и через комок в горле к глазам подступает. Страшно сделалось. Чего деда-то не слышно?

Выбежала Алёнка из комнаты, через тёмный предбанник, тяжёлую дверь с размаху, со страху, с силой и на веранду. Дед у лавочки лежит, и лицо синее. А у Алёнки страх пропал, знает, что делать надо.

Бабушкин голос за кроличьими клетками, там только телефон связь берёт. “Алё, алё, “скорая”!” И вот бабушка уже плачет на коленях рядом с дедом. А он своей рукой слабо её за руку.

Где же эта пшикалка? Алёнка вспоминает, как дед ходит. Он рано просыпается, раньше, чем Алёнка. Она не знает, как он там, в раннем ходит, а потом, днём все дорожки его знает. У забора, колодец, сарай, куры, поросёнок, за калитку. Нет нигде. Все кусты облазила.

— Долго-то как, — слышит она бабушкин отяжелевший голос. И ещё быстрее соображать начинает. Утром-то куда он ходит?

Может, к реке? Через огород, туалет, вниз, по картофельному полю, кукурузному. Там всегда пар идёт по утрам. Там река. Но Алёнка там ещё ни разу не была. Далеко, и кукуруза высоченная, а в ней звенит и стрекочет.

А сейчас побежала, глаза зажмурила, кулачки сжала. К реке бежит. И вот она, река. Тёплая, блестит и нестрашная. Плеск тихий. Спокойно. Ива плакучая в воде ветки полощет. Лодка лежит перевёрнутая. Удочки

дедовы, сетка. Вон, вон пшикалка, у самой сетки валяется! Видать, из кармана выпала, а дед не заметил. Алёнка схватила, бежит обратно. А там уже гудит что-то громкое и пронзительно.

И деда у лавочки нету.

Через двор, через вишни, к забору. Там старая калитка в тени, проводком подвязана. Алёнка знает, что досочку можно откинуть, и ты на улице. Гудит мотор. Машина большая с красным крестом тарахтит. Бабушкин голос и голоса чужие.

— Деда! — Алёнка изо всех сил крикнула, продираясь сквозь калитку.

Дверь в машине железная закатывается уже. Увидели Алёнку. Бабушка на руки схватила. А дедовы ноги уже из машины торчат.

Алёнка к деду руки тянет, пшикалка в кулачке зажата.

— Зёлик ты мой, козёлик. Зараза такая любимая. Хрм-хр-хр...